

Анна
Журавова

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Анна Журавлева
Впечатления

«Эдитус»

2020

Журавлева А.

Впечатления / А. Журавлева — «Эдитус», 2020

ISBN 978-5-00149-301-3

Сборник рассказов «Впечатления» – это небольшие заметки о событиях и людях, которые все мы могли наблюдать в нашей жизни, однако не придавали им особого значения в силу их обыденности и непримечательности. Но именно в таких маленьких зарисовках привычных и знакомых нам картин особенно отчетливо улавливаются самые яркие черты людей и времени, в котором они живут. Персонажи этих рассказов – обычные люди, в которых читатель сможет узнать своих друзей, знакомых, а может, и себя. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-00149-301-3

© Журавлева А., 2020

© Эдитус, 2020

Содержание

В горах	5
В электричке	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Журавлёва

Впечатления

В горах

Я лечу. Внизу подо мной медленно плывут высокие и величественные горы. Они тянутся своими красивыми и ровными верхушками в небо. Они разбросаны неровно, хаотично, но, плавно перетекая одна в другую, создают гармоничные, идеальные цепи. Вот я взлетаю еще выше и выше, и верхушек гор уже не видно за плотным ватным слоем облаков. Бескрайнее, вселенское, чистое небо сияет вокруг, а внизу – облачковый матрац, за которым не видно ничего. Яркое желтое солнце бьет по глазам, ослепляет. Оно ничего не боится, ведь оно огромно, могущественно и испытывает свою власть над всеми маленькими земными букашками. Я смеюсь, и этот смех – единственное, что нарушает глубокую тишину природы. Раз – и я вновь несусь вниз, два – и я уже ниже горных макушек, три – и вот подо мной уже мягкое, безмятежное море. Оно нежно ласкает жесткий, скалистый берег. Горы и море соединены вместе, и, наверное, они любят друг друга.

Я снова метнулась к горам. Я несусь высоко над их щедрыми, благодатными лесами, над холодными и узкими бурными реками. Резкий выступ скалы, и я решаюсь сесть. Тишина, и ни единого звука не родится в воздухе. Тишина эта и жмет тебя своей огромностью, и открывает твои легкие для полного, глубокого вдоха. Я сижу на обрыве. Я как лермонтовский демон – оглядываю все свои владения. Но нет, они не мои. Я силюсь, я хочу, чтобы они были моими, но холодная, великая красота создана не на потеху моему самолюбию.

Сон прерывается...

– Алиса, вставай, девчонки приехали! – прозвучал в щель приоткрытой двери бодрый мамин голос.

– Уже встаю.

Выхожу на кухню, а они все уже сидят: мама, Наташка и Юля. Бросились сразу целоваться, обниматься и шуметь. Они отдыхали на море целых две недели! Я тоже хотела поехать, но с работы непустили. Уже кипит чайник, обещая нам крепких безалкогольных утренних напитков.

– Какие же вы загорелые! Два негритенка, – кудахтала мама, – сейчас будем чай пить. Ну, рассказывайте, как отдохнули? Море какое?

– Ну море как море. Что с него взять. Что в прошлом году было, что в этом не высохло, – протяжно зевая, ответила Наташка.

– С погодой нам повезло: ни одного дня дождливого не было. Как по заказу. А море – тепленькое, но Наташа быстро замерзает. Только зайдем в воду, она уже обратно вылезает, – дополняла Юля.

– Ну, рассказывайте!

– Да что рассказывать-то? Я же говорю: Сочи на месте стоит, море тоже не усохло – все, как и в прошлом году. А, только мы в этот раз поехали в Розу Хутор развлечься.

– И как там? – вступила и я в разговор.

– Ой, нам очень понравилось: все такое новенькое, чистенькое, красивое. Как за границей, честное слово, – ответила Юля. – Мы собирались туда на электричке добраться, но на нее опоздали. Пришлось брать такси от вокзала.

– По горам очень опасно на машине ездить! По этому узкому серпантину! Надо было следующую электричку подождать, – возмущилась мама.

– Да у нас вариантов особо не было: следующая электричка через два часа. Но не ехать же туда ночью, верно? И там дорогу новую сделали. Прямо с нуля – железную, по которой электричка теперь ходит, и вдоль нее – автомобильную. Так что все безопасно, – заверила Наташа.

– Да, как поднимаешься повыше в горы, видишь небольшой городок – Красная Поляна, потом едешь – опять ничего нет, и потом уже видишь такую узкую речушку, Мзымта, кажется, да, Наташ? Да. И вот вдоль нее стоят красивые отели, ресторанчики и кафе. Мы там погуляли, пофотографировались рядом с башней, ну, помните, которую еще во время Олимпиады по телевизору показывали?

Мы с мамой закивали головами. Юля еще продолжала что-то говорить, а я слушала и думала.

Вот где-то далеко в горах, на какой-то немыслимой высоте текла спокойно по небольшой равнине река. Безжалостные скалы и острые пороги не били и не гнали ее вниз, и, почувствовав свободу, она дала себе волю и разошлась вширь, оголив местами гладкие от ее холодных ласк камни. Она не бурлила, не ругалась и не шумела, а лениво грелась и плелась под высоким небом.

Вдоль реки тянулись аккуратные новенькие отели. Они глядели на реку своими параллельными линиями квадратных ячеек-окон и балконов. Они были такие же, как в любом другом курортном городе: высокие, цветные, простоватые в отделке, но с какой-то заносчивой претензией на шик и роскошь. Их первые этажи занимали кафе и рестораны, чьи столики толкались на тесноватой набережной Мзымты. С неба лился полный и благодатный солнечный свет, заботливо обнимавший все вокруг: и гигантские горы, и небольшие отели, и крошечных людей. А людей здесь было много: в ресторанах и кафе, на тротуарах, в отелях, одни, с семьей, с ребенком, с собакой, с телефоном, с фотоаппаратом, да и кучей своих недостатков.

– А потом мы решили подняться по канатной дороге вверх, – продолжала Наташа.

– И не страшно было? – спросила мама.

– Да нет! Кабинка закрытая вся, стеклянная, оттуда выпасть даже невозможно. Мы поднимались долго: минут пятнадцать-двадцать. Но ожидание того стоило! Наверху стоит Олимпийская деревня – небольшие домики в скандинавском стиле, какие-то бары и рестораны. А какой там красивый вид открывается на горы!

А вид там действительно был потрясающий. С фуникулера люди сразу бросались на площадку, будто специально созданную для того, чтобы стоять и любоваться с нее видом на горы. Исполинские громады будто взрытой великаном земли безмолвно покоились под холодным и солнечным небом. Их контуры не резко очерчивались на фоне небесной глубины, но сливались с ней в мутной облачной дымке. Глубокими, насыщенными темными красками рисует природа свои творенья: конусообразные тела гор застилал пушистый зеленый ковер – царское украшение богатых и щедрых кавказских гор. На далеких склонах эта зелень темнела до густых синих оттенков, а вблизи на различных отдельных деревьях сияла в лучах солнца живым и теплым цветом. Солнце озаряло все вокруг своим неиссякаемым светом, и свет этот, как вода, заполнял все пустоты и щели между горами, оставляя темными недоступные и трудные для него склоны. Быстрый и резкий ветер нес рваные, покромсанные кусочки облаков, которые невесомо и легко приставали к ложбинкам гор. А тяжелые, круглые и полные облака садились на их верхушки, создавая иллюзию большого и фигурного мороженого.

Как страшно и как спокойно было оглянуться вокруг! Каким маленьким должен был казаться себе человек, глядя на вечную, неустрашимую мощь и силу природы! На ее красоту, которая не нуждается в лишних похвалах и восторгах, которая своей простотой и величием перечеркивает все ложные и лишние слова. Человек мог искать здесь Бога, себя, смысл своего существования, уединиться в своей мысли и гнать ее быстрее, как ветер гонит здесь облака. А что делал человек?

Человек стоял, фотографировал, смеялся, говорил, выяснял отношения, шлепал ребенка, жевал. Отвернулся и ушел. Он увидел, он пожрал эту красивую картинку и, потеряв к ней интерес, отвернулся от нее. Отели, кафе, торговые центры – все здесь для него было так привычно и комфортно. Тот же отдых, прогулки и покупки, но только в новых, экзотических декорациях. Новая, модная, красивая на фото – декорация к той же самой жизни.

Активная, ритмичная танцевальная музыка доносилась из соседнего кафе, и ее дикие, режущие, бьющие звуки гремели на несколько километров вокруг. Затем, устав и истощившись, они падали где-то вдалеке, в пустой тишине гор. Казалось, будто эта музыка дразнила, раздражала, мелкими своими уколами колола горы. Но они не отвечали, оставаясь холодными и равнодушными.

Великая красота лежала безмолвная и громадная.

В электричке

Весна этого года затягивала свой торжественный въезд в столицу. Холодный дождь уже которую неделю бился о плоские крыши домов, размывал голую землю. Казалось, что природе и, в особенности, весне вообще нет никакого дела до нас, бедных людишек, ждущих ее, истосковавшихся по ее теплым, животворящим солнечным лучам. Тяжелые черные тучи железными щитами сковали землю и закрыли ее напрочь от нежной синевы неба и широких объятий солнца. Один их грозный вид заставлял человеческий разум усомниться в возможности существования весны, а сердце – безраздельно вздохнуть и заснуть до лучших времен.

А может, ее вообще и нет, этой весны, может, она кому-то только приснилась в сказочном длинном сне, он рассказал о весне другим людям, и они поверили, и ждут теперь ее, несчастные, ждут того, чему никогда не суждено случиться? Таким нереалистичным и совершенно невозможным казалось и разуму, и чувству потепление.

Вот и сегодняшний день был таким же, как и вчера, и позавчера, и неделю назад: мелкой крупой моросил дождь, тучи прессом давили холодный воздух к земле, а худенькие слабые деревья мерзли от отсутствия зеленой одежды.

Одинокое дорожки капель дрожали на стеклах вагона. Он был полупустым: в воскресный вечер Пасхи многие пассажиры предпочли остаться дома. На своем ряду я сидела совершенно одна и читала книгу, пока на одной из станций напротив меня не сели двое: мужчина и женщина.

Женщина, вытянув ноги, заняла место у окна. Она была совсем невысокого роста. Коротенькие ручки и ножки соединялись с ее квадратным туловищем, придавая грубоватому топорному телу сходство с низкой тумбочкой. Бугристый лоб был совсем лишен бровей, и лишь мощные выступы над глазами обозначали место, где они должны быть. Большие, круглые, навывкате глаза сидели в кожных пазухах век и метали молнии исподлобья, даже когда лицо этой женщины было безоблачно.

Мужчина сел через одно свободное место от своей спутницы. Его плоская, блинообразная кепка прикрывала верхнюю часть лица и наводила на мысль о рабочей профессии ее обладателя. Короткие темные волосы на висках переходили в такой же длины бороду, что еще больше придавало ему сходство с работником тяжелого физического труда. Его лицо было достаточно однообразным и никак не выделяло его из толпы.

Они сидели молча, она – уткнув свой взгляд в окно вагона, он – рассматривая пассажиров на следующем ряду. Поезд глухо споткнулся на станции, и за короткую минуту стоянки мимо наших окон пронеслись галопом четверо молодых людей из нашего вагона и вскочили в следующий. Вагоны поезда словно поочередно толкнули друг друга, и поезд тронулся.

Вошла женщина-контролер. Она не спеша проверяла у пассажиров билеты. Завидев еще издали контролера, женщина напротив подтянула лежащую на коленях сумку еще ближе, хотя сумка не имела ни малейшего намерения падать на грязный пол вагона. Женщина слегка откинула голову назад, шевеля своими неровно окрашенными губами, будто проверяя их готовность перед разговором. Мужчина оставался невозмутимым. Контролер подошла ближе и попросила предъявить билеты. Маленький бейджик знакомил с ней пассажиров: ее звали Алла Викторовна Рожкова. Взглянув на эту пару, Алла Викторовна на секунду застыла, а потом, придя в себя, начала с большими паузами:

– Ой, Маргарита Петровна, не ожидала вас тут увидеть...

– Почему же не ожидали? Именно здесь вам и нужно бы меня ждать больше всего. Что ж мне – работать тогда, когда вам удобно будет? – холодно и задиристо заметила моя попутчица. Она, словно предвкушая надвигающуюся стычку, усиливала нервное напряжение внутри себя и хотела вместе с тем наэлектризовать и Рожкову.

– Да нет, как же, вас-то всегда приятно видеть... – собиралась с силами контролерша.

– Так, билеты проверять будем или разговаривать?

– Да, да, конечно, – Рожкова потянулась за билетами Маргариты Петровны и ее спутника.

– Что это у вас четыре человека зайцами едут? А? – продолжала Маргарита Петровна.

– А как же их всех переловишь? Вот они бегают из вагона в вагон, и что ж мне – за ними бегать? – слабо оправдывалась Рожкова. В этот момент поезд снова стукнулся на станции, и, пользуясь новой возможностью, Маргарита Петровна снова уколола контролершу.

– Ну, иди-ка работать, вон сколько людей зашло в вагон.

И действительно, людей зашло много. Все они, как мелкие мураши, задвигались быстро по вагону в поисках свободного места. Рожкова сразу же бросилась к людям проверять билеты и хаотично, без разбора и логического порядка, стала цеплять всех: уже примостившихся и еще мечущихся пассажиров. Кажется, Маргарите Петровне удалось-таки наэлектризовать своим нервным недовольством и ее, потому что она выглядела уже как будто рассерженной, раздраженной. Уже не было ни мерного спокойствия, ни неспешного равнодушия. Рожкова, кажется, уже заранее была настроена враждебно к пассажирам: к тем, у кого нет билета – за то, что его нет; к тем, у кого он есть – за то, что долго искали в кармане и не приготовили заранее; к тем, у кого билет сразу же был наготове – за то, что расставили сумки на проходе и не селились на места.

Пока Рожкова занималась выполнением своих контролерских обязанностей, Маргарита Петровна и ее спутник достали какие-то бумаги и начали в них что-то писать. Странные интонации разговора контролерши с моими попутчиками привлекли мое внимание, но как только оба они стали одновременно что-то писать, мой интерес к ним еще больше возрос. Надо сказать, что на меня они не обращали ни малейшего внимания, что позволило мне прочитать один из заголовков пока еще пустого бланка «Отчет проверки состава по Курскому направлению».

Наконец, Рожкова закончила с проверкой билетов и сразу же вернулась к нам. Она села рядом со мной и с легким страхом и любопытством посмотрела на бумаги.

– А вы, Маргарита Петровна, я смотрю, сегодня не одна, а с напарником, – осторожно протянула она.

– Да, знакомьтесь, Семен Алексеевич Лунин, – дежурно ответила Маргарита Петровна, не отрываясь от своих бумаг. Она писала быстро, резко и пронзительно, разрывая слова огромными пропастями. С каждой новой четкой и стремительной петлей ее почерка нетерпение Рожковой возрастало.

– Что ж вам, холодно, наверное. Смотрю – и одеты вы тепло. Мерзнете? – заговорил Лунин. Рожкова явно обрадовалась новому участнику разговора, тем более что в нем, как в мужчине, она рассчитывала на снисхождение и защиту. Выразительно и сладко она посмотрела на него и продолжала:

– Да, конечно, холодно. Как тут быть, когда в ожидании поезда приходится по полчаса на перроне стоять.

– Да, и это вы считаете оправданием нарушения формы одежды, – быстро прервала ее Маргарита Петровна. – С какого числа в приказе значится переход на летнюю форму, а? – она смотрела прямым, давящим, обездвиживающим взглядом.

Повисла небольшая пауза, во время которой Рожкова напрягала все свои умственные усилия, чтобы ответить на вопрос, а вспомнив ответ, – подать его с меньшим для себя ущербом.

– С пятнадцатого, – посмотрев умоляюще на Лунина, ответила она.

– А сегодня какое? – Маргарита Петровна явно наслаждалась своим властным положением, и не словами, нет, а более тонко – взглядами, интонациями голоса и мимикой своего топорного, но подвижного лица – мучила свою жертву.

– Шестнадцатое, – тихо сказала Рожкова и всем своим телом сморщилась. – Так что ж делать, холодно так долго-то на улице стоять. Сегодня Валерий Антонович утром замечания не сделал, что я не по форме, вот я и пошла так.

– С Валерия Антоновича и так спросится, а тебе надо и своей головой думать! – резко обрубив оправдательную речь Маргарита Петровна. Лунин молчал, но Рожкова не теряла надежды найти в нем защитника и, подавляя в себе вспышки страха после каждого замечания Маргариты Петровны, продолжала бросать на него быстрые взгляды смоляных от мужского внимания глаз.

Минут пять стояло мертвое молчание, не заглушаемое даже энергичным стуком колес. Затем Маргарита Петровна, не глядя на свою собеседницу, небрежно спросила не то у Рожковой, не то у душно-зловонного воздуха вагона:

– А когда вас последний раз проверяли, кто был проверяющим? Не Жменецкий случайно?

– Да, именно он.

– Слухи про него всякие ходят... – продолжала она пространную беседу с воздухом.

– Да? А вы знаете, я сразу поняла, что он из себя представляет. Я таких людей сразу вижу. Ходил тут, ходил, нормально работать не давал. Идет по вагону, а сам морду кривит. Придирался все ко всяким мелочам, – Рожкова вся оживилась, задвигалась на своем месте и торопливо стала выкладывать всю правду и неправду. – Я свои недочеты знаю, где неправа, признаю. Но просто так на людей срываться, как он, это же просто уму непостижимо! Ох, Маргарита Петровна, если бы вы знали! Я так рада, что сегодня не он, а вы пришли. С вами-то мы уже давно знакомы, давно вместе работаем. Вы всегда справедливо недочеты говорите, я стараюсь исправиться по мере возможности, как могу, – воодушевляясь звуком своего собственного голоса и редкими молчаливыми взглядами собеседницы (как ей казалось, одобрительными), она неслась на всех порах.

– Значит, правду про него говорят, – с наигранным интересом поддакнула Маргарита Петровна. Рожкова клюнула на крючок ядовитого одобрения и понеслась. Мышцы на ее лице быстро двигались, сжимались и разглаживались, молниеносно меняя выражение ее лица:

– Да, он совершенно невыносим. Говорят, от него жена ушла, поэтому он такой злой ходит. Да он и раньше был не лучше – кто с таким жить станет? Правильно поступила его жена, что ушла. Видно, натерпелась баба...

– Ой, еще пять минут, и она нам точно все сплетни выложит! Ты посмотри на нее! – Маргарита Петровна холодом заклемила разгорячившуюся Рожкову, которая от этих слов совершенно впала в ступор и продолжала глуповато и извинительно улыбаться, слабо подхихикивая над самой собой. Лунин тупо смотрел то на нее, то на Маргариту Петровну. В сущности, ему все равно было, куда смотреть: обе они были ему абсолютно безразличны.

За окном мелькал выцветший, тоскливый пейзаж. Холодные капли летели мелким и частым водяным потоком. «Если бы кто-то сверху поливал эту землю дождем, он бы просто устал держать свою огромную лейку, и дождь бы уже давно прекратился», – подумала я.

– Так, а вот этого мужчину ты проверила? – спросила Маргарита Петровна. – Он свой багаж оплатил?

Мужчина, на которого она указала, был уже совсем старичок и сидел через два ряда от нас, у самого выхода в тамбур. Его совсем седые волосы пушились от чистоты и издали смотрелись как белые торчащие мягкие перышки. Он сидел, слегка сгорбившись, но не оттого, что согнула его жизнь, а потому что таким образом ему удобнее было держать длинные палки, о происхождении и назначении которых можно было только догадываться. Именно эти два загадочных, непонятных и притягательных кусочка пластика возбудили в Маргарите Петровне кровавую жажду зрелищ.

Рожкова своим перевалочным (но теперь ускоренным) шагом подошла к старичку и потребовала у него билет. Старичок оказался из благонадежных пассажиров и спокойно предъявил свой билет.

– А багаж вы свой оплатили?

– Нет, какой багаж? У меня вот только один пакет, – искренне удивился пассажир.

– Нет, я имею в виду не ваш пакет, а ваши палки. Они у вас очень длинные, и поэтому оплачиваются как отдельное место.

– Почему это я должен за них платить? Я вон сколько лыжи этой зимой возил, никогда ничего не платил, с чего вдруг сейчас должен что-то платить? – старичок нервно повел плечами, а потом эта волна внутреннего негодования достигла головы, отчего она также дернулась.

– Я вам еще раз повторяю, лыжи у нас оплачиваются, вон пойдите, посмотрите – правила на стене висят.

– А это не лыжи, а просто палки, и то не от лыж! Оставьте меня в покое, я платить ничего не стану!

Рожкова молча отвернулась от него и медленно вернулась к своим проверяющим.

– Не хочет он платить, Маргарита Петровна, – еле видимо разводя руками, извинительно констатировала она.

– Значит, плохо требуешь, раз не хочет! Иди, и пусть заплатит! – Маргарита Петровна сильным жестом своей короткой и толстой руки подобрала сумку, которая и в этот раз скорее боялась, чем хотела упасть на пол.

Рожкова слабо вздохнула, повернулась и снова пошла к старичку.

– Мужчина, вы свои палки оплачивать будете?

– Я вам уже сказал, что нет! – старичок разгорячился, вытянул свою шею, завертел головой. Перышки на его голове встрепнулись.

– Тогда я сейчас вызову полицию, – Рожкова, сдавливаемая прямым измывательским взглядом Маргариты Петровны, вынуждена была сама прессовать старичка.

– Вызывайте кого хотите! Мне все равно! Как ваша фамилия?

– А зачем она вам?

– Да пожаловаться на вас куда следует! Вы думаете, я своих прав не знаю?

– Да идите жалуйтесь куда хотите! Я свои обязанности исполняю.

– Как ваша фамилия, я спрашиваю? – старичок, видно, не обратил внимания на бейджик контролерши, который значительно упростил бы ему задачу.

– А я вам отвечаю, что за свои лыжи вы должны заплатить! – Рожкова разнервничалась и повысила голос до срывающегося крика.

– Да оставьте вы его в покое, что вы его мучаете? – начали возмущаться сидящие через ряд пассажиры. – Пусть себе везет свои лыжи.

– И это не лыжи, а просто палки, и то не от лыж! И если я за лыжи не платил, почему за эти палки должен платить?

Рожкова, недовольная и уставшая, вернулась опять к нам. Маргарита Петровна выразительно посмотрела на нее. Выразительность ее взгляда представляет особенный интерес именно потому, что, с одной стороны, он зримо и намеренно отражал ее недовольство неэффективной работой Аллы Викторовны, а с другой стороны, прямо выдавал ее удовлетворение увиденным.

Оставшееся до конечной станции время ехали молча. Маргарита Петровна и Лунин писали свои отчеты. Рожкова уже не старалась вывернуться, чтобы что-то подсмотреть, или подластиться, чтобы исправить положение. Она устала и просто ждала, пока ей укажут, где нужно расписаться.

Поезд пристал к платформе, и немногочисленные пассажиры выбрались на улицу и увидели серый свет. Я быстро проскользнула сквозь турникет и пошла медленным шагом. Непрерывным потоком в моей голове двигались мысли.

«Несомненно, десяток неоплаченных билетов представляют собой сокрушительную потерю, потерю, которая не идет ни в какое сравнение с краденными из бюджета миллионами. Поэтому на уплывающие миллионы можно закрыть глаза, а с вероломными пассажирами надо бороться! Для этого нужно создать дополнительную армию контролеров над контролерами, контролирующими контролеров. И тридцать рублей (что можно сегодня купить за тридцать рублей?), выбитые из вредного или не очень пассажира за бессмысленную и несуществующую услугу – это самая справедливая цена нервов, волнений и криков».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.